

Шаповалов Сергей Николаевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Кубанского государственного университета

СОСТОЯНИЕ I ОТДЕЛЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ (ВОСТОЧНОЙ) ВОЙНЫ

Аннотация:

В статье исследовано положение I отделения Черноморской береговой линии, созданной после успешной Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., состоявшей из бывших турецких укреплений, переданных Российской империи по условиям Адрианопольского мира, а также построенных русскими войсками в результате успешных десантных операций в 1830-е гг. Охарактеризовано состояние крепостей, укреплений и фортов, входивших в состав I отделения Черноморской береговой линии, которое возглавлял генерал-майор А.О. Дебу, накануне Крымской (Восточной) войны. Подробно рассмотрены такие показатели обороноспособности линии, как количество разных чинов в гарнизонах и общая характеристика артиллерийского парка крепостей, укреплений, фортов и закубанских станиц. Сделан вывод, что в предвоенный период гарнизоны I отделения Черноморской береговой линии испытывали кадровый дефицит из-за отсутствия пополнений извне, так как простое перераспределение воинских команд из одного укрепления в другое лишь на время решало возникшую проблему.

Ключевые слова:

Крымская (Восточная) война, Черноморская береговая линия, Анапа, Новороссийск, укрепление, крепость, гарнизон, единорог, мортира, пушка.

Shapovalov Sergey Nikolayevich

PhD in History, Associate Professor,
History of Russia Department,
Kuban State University

THE FIRST DIVISION OF THE BLACK SEA COASTLINE ON THE EVE OF THE CRIMEAN (EASTERN) WAR

Summary:

The study described the situation of the First Division of the Black Sea Coastline created after the successful Russo-Turkish war of 1828–1829 and consisted of former Turkish fortifications passed to the Russian Empire according to the Treaty of Adrianople as well as built by Russian troops as a result of successful landing operations in the 1830s. The paper discussed the status of fortresses, fortifications and forts that were a part of the First Division of the Black Sea Coastline led by Major General A.O. Debu on the eve of the Crimean (Eastern) War. The research elaborated on such indicators of the coastline's defense capacity as the number of different ranks in garrisons and overall characteristics of artillery in fortresses, fortifications, forts and villages in Kuban region. The author concluded that there was the staff shortage in garrisons of the First Division of Black Sea Coastline in the pre-war period as the troops had not been reinforced, and the redeployment of military personnel from one fortification to another solved this problem for a while.

Keywords:

Crimean (Eastern) War, Black Sea Coastline, Anapa, Novorossiysk, fortification, fortress, garrison, licorne, mortar, cannon.

Во внешней политике императора Николая I Крымская война стала одним из важнейших событий, продемонстрировавших углубление Восточного вопроса [1]. Она стала результатом недостаточно продуманных дипломатических действий в отношении Османской империи и неверного представления о раскладе политических сил в Европе. Причины, ход и итоги Крымской (Восточной) войны достаточно хорошо освещены в отечественных и зарубежных исторических трудах [2]. Однако состояние отдельных крепостей и линий русской обороны накануне военных действий пока еще относится к числу исторических лакун. Это открывает перед исследователями широкие научные перспективы. Одна из них связана с крепостями, укреплениями и фортами Черноморской береговой линии, которая прикрывала восточный берег одноименного моря от вторжения неприятеля и выполняла другие функции.

Отдельных сторон обороноспособности линии в начале Крымской (Восточной) войны касался в своей статье Х.А. Касумов, который отмечал: «В начале Крымской войны все укрепления Черноморской береговой линии находились в следующем состоянии: построенные в небольших размерах и состоявшие из земляных полевых укреплений, усиленных палисадом, они могли выдерживать, и то с трудом, только отдельные нападения горцев, но они не могли сопротивляться внешним атакам более сильного и организованного противника» [3, с. 79]. Подобная оценка состояния Черноморской береговой линии видится достаточно упрощенной, так как ее укрепления были неоднородны по своему военному потенциалу и для выяснения их истинной обороноспособности нужны углубленные исследования.

Сама Черноморская береговая линия появилась в период правления императора Николая I. Она состояла из крепостей и укреплений, которые как достались России по условиям Адрианопольского мира с Османской империей, так и были возведены русскими войсками на восточном берегу Черного моря. Начиная с этого времени русские неуклонно продвигались вперед,

стройка на завоеванной территории укрепления [4, с. 10]. Значительная часть из них была основана по предложению генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова, а также продолжившего его дело генерал-майора Н.Н. Раевского.

В период 1830–1840-х гг. Черноморская береговая линия претерпела несколько серьезных реорганизаций. К двум имевшимся в ее составе отделениям были добавлены еще III и IV (впоследствии упразднены). Она охватывала территорию от устья Кубани до границ Мингрелии. Поэтому для исчерпывающей характеристики обороноспособности всей береговой линии накануне Крымской (Восточной) войны требуется изучение состояния всех входящих в состав каждого отделения крепостей, укреплений и фортов. В рамках представленной статьи коснемся положения I отделения Черноморской береговой линии.

Еще до начала Крымской (Восточной) войны начальником всей линии был назначен вице-адмирал Л.М. Серебряков. Его местопребыванием стала Керчь в Крыму. Во главе I отделения находился генерал-майор А.О. Дебу, который размещался со своим штабом в крепости Новороссийск. I отделение занимало территорию от устья Кубани до укрепления Геленджик. В его составе находились: крепости Анапа и Новороссийск, укрепления Кабардинское, Гостогоаевское, Джемейское, форт Раевский, Нашебургский пост. Гарнизоны также были расположены в укрепленных закубанских станицах: Николаевской, Александровской, Суворовской, Благовещенской и Витязевой. Укрепление Гостогоаевское и форт Раевский были построены для прикрытия заселяемого колонистами пространства и защиты дороги, которая вела из Черноморья от Варениковой пристани на Кубани к крепости Новороссийск [5, с. 36]. Расположение всех укреплений I отделения можно увидеть на карте (рисунок 1).

Рисунок 1 – Военно-историческая карта Кубанской области с 1800 по 1860 г. Фрагмент [6]

Состояние укреплений I отделения Черноморской береговой линии накануне Крымской (Восточной) войны можно увидеть из различных донесений, рапортов, предписаний и военно-статистических описаний. Одно из них было опубликовано в 1853 г. в Санкт-Петербурге под именем «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (XVI том) и посвящено Кавказскому краю. В нем было дано обозрение восточного берега Черного моря и интересующей нас линии. Его составителем стал заведующий штабом Черноморской береговой линии полковник Н.И. Карлгоф, хорошо знавший местные особенности.

Официальный статус издания, по-видимому, довлел над составителем, который при характеристике военного потенциала линии писал: «Число находящихся на Черноморской береговой линии войск совершенно достаточно для охранения всего, что нами занято, но не довольно сильно для наступательных действий» [7, с. 38]. В противовес этой оценке можно привести

множество писем и обращений начальников укреплений, которые просили летом 1853 г. об усилении своих гарнизонов. Одним из них был поручик Ф.П. Вояковский, исправлявший должность воинского начальника Гостогаевского укрепления, который писал 28 июля 1853 г. исправлявшему должность анапского коменданта: «...как я имею честь доложить Вам, гарнизон оного недостаточен к надежной оного с форштадтом обороне; а потому почтительнейше прошу... приказать оставить мне в укреплении не менее 100 человек пехоты...» [8, л. 9]. Тем не менее упомянутое издание отразило многие реалии в положении черноморских укреплений.

В рассматриваемый период на защите всей береговой линии состояли постоянные и сменяющиеся войска. Постоянные включали в себя 16 линейных батальонов, 3 военно-рабочие роты, Анапский горский полуэскадрон, который набирался из черкесов и команды артиллерийских гарнизонных рот, квартировавшихся в каждом укреплении. В состав сменявшихся войск входили: Азовские казачьи команды, 2 роты Балаклавского греческого батальона, 1 Донской казачий полк и Донские казачьи команды. В Кабардинском и Гостогаевском укреплениях, а также форте Раевском команды были постоянные, но их предполагалось сменить. В Джеметейском укреплении и на постах команды содержались посменно [9, с. 37].

Численность гарнизонов I отделения Черноморской береговой линии достаточно сложно зафиксировать. В представляемых к начальству ведомостях всегда присутствовали те, кто был прикомандирован, отправлен на работу или учебную деятельность, заболел или прибыл вместе с колоннами и транспортами. Положение усугублялось некомплектностью батальонов, рот и других подразделений, состоявших в качестве гарнизонов укреплений.

Из переписки между воинскими начальниками, комендантами, начальником I отделения и всей линии можно увидеть, что пополнение численности гарнизонов было одной из насущных задач. Так, исправлявший должность воинского начальника форта Раевского штабс-капитан Мачуговский подал 31 июля 1853 г. рапорт генерал-майору А.О. Дебу. В нем он приводил общую численность вверенной ему команды. Она включала в себя 20 унтер-офицеров, 263 рядовых, 4 фейерверкера, 33 канонира, 10 человек казачьей команды. Всего по списку в форте было 330 солдат. Из них на момент составления рапорта 41 человек находился в лазарете. Для просмотра за больными было направлено 4 рядовых. Еще 36 нижних чинов были постоянно заняты артиллерийской службой. Поэтому в рапорте звучала просьба: «...просить распоряжения Вашего Превосходительства об усилении вверенного мне гарнизона, ибо болезненность нижних чинов с каждым днем все более усиливается...» [10, л. 20].

В усилении нуждались и гарнизоны больших крепостей. Исправлявший должность анапского коменданта генерал-майор П.И. Миронов хотел пополнить состав сразу на 500 человек. Он мотивировал это тем, что находившиеся вблизи Анапы станицы Николаевская и Александровская обладали недостаточными для защиты от горцев гарнизонами. П.И. Миронов также сетовал, что не обладает возможностями пополнить состав форта Раевского: «...потому что если уделить на то из Анапского гарнизона, то при нападении горцев на Николаевскую и Александровскую станицы не с чем будет дать сикурсу или твердо и крепко охранять поселок Карабатыра и Анапский сенной окоп...» [11, л. 22].

Рапорты с просьбами об увеличении численности войск поступали и от воинских начальников Гостогаевского и Кабардинского укреплений. В ответ на них начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л.М. Серебряков в письме от 8 августа 1853 г. на имя начальника I отделения генерал-майора А.О. Дебу предписывал: «Усмотрев из представленного мне рапорта воинского начальника Кабардинского укрепления от 31 июля прошлого года... ежедневного журнала, что в означенном укреплении состояло на лицо к 1 августа всего 276 человек строевых воинских чинов, и находя, что в таком числе гарнизон так слаб для отражения нападения неприятеля в больших силах, я покорно прошу распоряжения... чтобы в настоящее тревожное время по возможности подкреплены были войсками гарнизоны всех отдельных пунктов в подведомственном Вам крае» [12, л. 31].

Выполнить подобное распоряжение не представлялось возможным, так как для пополнения гарнизонов требовалось прибытие на линию новых воинских команд. В противном случае оставалось лишь умело перемещать военные отряды из одного укрепления в другое, смотря по складывавшейся ситуации. Именно этот способ применял начальник I отделения, когда в соответствии с распоряжением начальника береговой линии производил усиление гарнизонов Гостогаевского укрепления и форта Раевский. Подробности этой операции содержались в рапорте от 19 августа 1853 г.: «...гарнизоны ф. Раевский и Гостогаевского укрепления усилены; в настоящее время под ружьем в первом до 360 человек и во втором с лишком 400... но усиление это значительно ослабило гарнизоны Николаевской и Александровской станиц и потребовало выкомандирования в Анапский округ двух рот из Новороссийска...» [13, л. 40].

Таким образом, накануне Крымской (Восточной) войны гарнизоны I отделения Черноморской береговой линии испытывали своеобразный кадровый дефицит, вызванный болезненно-

стью нижних чинов, командировками в другие укрепления, естественной убылью солдат. Эта проблема решалась лишь за счет внутренних резервов, т. е. перемещения военных отрядов из более благополучных и многочисленных крепостей в небольшие укрепления.

Не менее важным аспектом обороноспособности было качество и количество артиллерийских орудий, отпущенных для защиты I отделения Черноморской береговой линии. По состоянию на июнь 1853 г. на линии использовались чугунные и медные пушки, единороги и мортиры различного калибра. Всего по ведомости значилось 77 пушек, 50 единорогов (гаубиц) и 26 мортир различного калибра, что в сумме давало 153 орудия. Из пушек больше всего на вооружении состояло небольших 6-фунтовых орудий – 30 единиц. Почти половина пушек была представлена 24- и 12-фунтовыми орудиями (всего 34 штуки). Среди единорогов на вооружении крепостей были 1-пудовые, ½-пудовые, ¼-пудовые, а также 10 и 3-фунтовые орудия. Количественно преобладали ½-пудовые и ¼-пудовые единороги, которых насчитывалось 34 единицы. Мортиры были представлены 2-пудовыми, ½-пудовыми, 12- и 6-фунтовыми орудиями. В этом сегменте перевес был за более крупными пудовыми калибрами, которых состояло на вооружении 17 штук [14, л. 95 об.].

Более всего береговой артиллерии было размещено в крепости Анапе. В общей совокупности здесь состояло на вооружении 43 различных орудия, в том числе почти все 2-пудовые мортиры (9 из 12 штук). Крепость также охраняли 24- (12 единиц) и 12-фунтовые (7 единиц) пушки. Здесь были представлены и 1-пудовые и ¼-пудовые единороги [15].

На втором месте по общему числу артиллерии располагался Новороссийск. Здесь по ведомости было 26 орудий. Из них пушки были представлены только 12-фунтовыми калибрами, но в количестве 11 штук, что являлось подавляющим большинством (всего 16). Самыми крупными единорогами являлись ¼-пудовые и 10-фунтовые. В общей совокупности на них приходилась ровно половина всех орудий, которыми располагала крепость (13 штук). В абсолютном меньшинстве были представлены мортиры. Их числилось всего 2 с 12-фунтовым калибром [16].

Для некоторого сопоставления обратим внимание, что в Севастополе и Кронштадте до Крымской (Восточной) войны соответственно состояло на вооружении 696 и 1061 орудие различного калибра. По штатной ведомости обе крепости недополучили 121 пушку на двоих [17, с. 75]. Конечно, Севастополь и Кронштадт играли более значимую роль, чем Анапа и Новороссийск, но весьма показательным, что все I отделение линии располагало в 11,5 раза меньшим числом артиллерийских орудий.

Примечательно, что пушками были вооружены и закубанские станицы линии. На Витязеву, Николаевскую, Александровскую и Суворовскую в сумме приходилось 32 орудия. Здесь были представлены все виды береговой артиллерии. Более всех была обеспечена станица Николаевская, которая имела 13 орудий. Из них 24-, 12- и 6-фунтовые пушки (2, 2, 5 соответственно), 3-фунтовые единороги (2 единицы), 2-пудовая (1 штука) и 6-фунтовая (1 штука) мортиры [18, л. 95 об.].

Наличие артиллерии в закубанских станицах рассматривалось начальником Черноморской береговой линии как своеобразный резерв, который может быть использован для укрепления обороноспособности какого-либо гарнизона линии. Всерьез обсуждался проект перевозки части орудий из станиц Витязевой и Николаевской в Новороссийск. В случае реализации этого плана подлежали изъятию 24-фунтовые пушки в количестве 6 единиц. Их должны были заменить 12-фунтовые орудия из Анапы в таком же количестве [19, л. 96].

Было ли достаточно обозначенного числа артиллерийских орудий для защиты I отделения Черноморской береговой линии? По всей видимости, и да, и нет. Начальник линии вице-адмирал Л.М. Серебряков хотя и приложил все возможные усилия, чтобы получить дополнительные орудия из Севастополя и Херсона, а также военных ведомств, но при этом был готов отказаться от тех калибров, которые ему не требовались, и не брать большого числа орудий без лафетов. В отношении своем от 7 июля 1853 г. к начальнику Южного артиллерийского округа генерал-майору В.С. Пихельштейну Л.М. Серебряков подробно писал об этом и даже представил проект распределения отпущенных на укрепление линии орудий. В нем были упомянуты Анапа и Новороссийск, а остальные пушки должны были отправиться в другие отделения. Для усиления Анапы начальник линии определял 12-фунтовые пушки в числе 4 и 6-фунтовые – 2. В Новороссийск планировалось доставить больше артиллерии. Предпочтение было отдано 1-пудовым единорогам (10 штук) и 12-фунтовым пушкам (6 штук) [20, л. 45–45 об.]. Для доставления выделенных орудий на места назначения требовался транспорт, а также множество усилий со стороны местных воинских начальников, которые должны были решить проблему с установкой, платформами и лафетами.

Основываясь на подробной переписке вице-адмирала Л.М. Серебрякова с начальником Южного артиллерийского округа генерал-майором В.С. Пихельштейном, Артиллерийским департаментом Военного министерства Российской империи, начальником артиллерийских гарнизонов Грузинского округа и прочими официальными лицами, можно предположить, что накануне Крымской (Восточной) войны I отделение Черноморской береговой линии нуждалось в экстренном усилении не своей крепостной артиллерии, а лишь отдельных обороняемых участков [21, л. 44, 46].

Таким образом, рассмотрев некоторые аспекты обороноспособности I отделения Черноморской береговой линии накануне Крымской (Восточной) войны, можно отметить, что важнейшей проблемой, с которой сталкивались местные начальники, являлся недостаток солдат, необходимых для успешного отражения нападений со стороны неприятеля. Повсеместно возникавшая убыль компенсировалась только за счет передислокации военных сил от одного укрепления к другому. Поэтому линия нуждалась в пополнении людскими ресурсами для выполнения возложенных на нее функций. Крепостная артиллерия в целом удовлетворяла оборонительные потребности, но не отличалась наличием значительного числа дальнобойных и крупнокалиберных орудий. Обеспечение береговой линии дополнительными орудиями являлось насущной задачей, которая решалась руководством линии.

Ссылки:

1. Подробнее см.: Зеленов Е.И., Зеленева И.В. Восточный вопрос во внешней политике Николая I: геополитический аспект // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2005. № 2. С. 63–77.
2. Подробнее см.: Бесов А.Г. О причинах и итогах Крымской войны 1853–1856 годов // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 5–10 ; Зеленов Е.И. Крымская война как хронокультурный вызов [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2016. № 3 (107). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/3/krymskaya-vojna-kak-hronokulturnyj-vyzov.html> (дата обращения: 20.06.2018) ; Осиповский С.Н. Вооруженные силы Османской империи в Крымской войне: оценки в прошлом и настоящем // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 6. С. 7–11. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.6.1> ; Печуров С.Л. «Вымученная коалиция» в Крымской (Восточной) войне // Военно-исторический журнал. 2008. № 2. С. 14–20 ; Kagarlitsky B. The Crimean War and the World System // Kagarlitsky B. Empire of the Periphery: Russia and the World System / transl. by R. Clarke. L. ; Ann Arbor, MI, 2008. P. 192–199. <http://doi.org/10.2307/j.ctt18fs32g.13>.
3. Касумов Х.А. К вопросу о значении Черноморской береговой линии в Крымской войне // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 7. С. 79–81.
4. Черкасов А.А. Десантная операция в устье реки Сочи-Пста (13 апреля 1838 г.): подготовка и проведение // Былые годы. 2011. № 1 (19). С. 10–16.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи : в 17 т. Т. 16. Кавказский край : в 10 ч. Ч. 10. Восточный берег Черного моря. СПб., 1853.
6. Кубанская генеалогия. Карты [Электронный ресурс]. URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/karty/0-189> (дата обращения: 10.05.2018).
7. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16, ч. 10. С. 38.
8. ГАКК (Гос. арх. Краснодар. края). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1518. Л. 9.
9. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16, ч. 10. С. 37.
10. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1518. Л. 20.
11. Там же. Л. 22.
12. Там же. Л. 31.
13. Там же. Л. 40.
14. Там же. Д. 1513. Л. 95 об.
15. Там же.
16. Там же.
17. Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия (Исторический очерк). М., 1956. 232 с.
18. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1513. Л. 95 об.
19. Там же. Л. 96.
20. Там же. Л. 45–45 об.
21. Подробнее см.: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1513. Л. 44, 46.

References:

- Besov, AG 2006, 'Concerning the causes and results of the Crimean War of 1853-1856', *Vostochnyy arkhiv*, no. 14-15, pp. 5-10, (in Russian).
- Cherkasov, AA 2011, 'Landing operation at the mouth of the Socha-Psta River (April 13, 1838): preparation and implementation', *Bylyye gody*, no. 1 (19), pp. 10-16, (in Russian).
- Denisov, AP & Perechnev, YuG 1956, *Russian coastal artillery (Historical sketch)*, Moscow, 232 p., (in Russian).
- Kagarlitsky, B & Clarke, R (transl.) 2008, 'The Crimean War and the World System', *Empire of the Periphery: Russia and the World System*, London, Ann Arbor, MI, pp. 192-199. <http://doi.org/10.2307/j.ctt18fs32g.13>.
- Kasumov, KhA 2012, 'Concerning the importance of the Black Sea Coastline in the Crimean War', *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*, no. 7, pp. 79-81, (in Russian).
- Military statistical survey of the Russian Empire 1853*, in 17 vols., vol. 16. Caucasian region, in 10 parts, part 10. East coast of the Black Sea, St. Petersburg, pp. 37, 38, (in Russian).
- Osipovsky, SN 2016, 'The armed forces of the Ottoman Empire in the Crimean War: evaluating the past and the present', *Vestnik VolGU. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, vol. 21, no. 6, pp. 7-11. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.6.1>.
- Pechurov, SL 2008, "'The Forced Coalition" in the Crimean (Eastern) War', *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, no. 2, pp. 14-20, (in Russian).
- Zelenev, EI 2016, 'The Crimean War as a chronocultural challenge', *Neprikosnovennyi zapas*, no. 3 (107), viewed 20 June 2018, <<http://magazines.russ.ru/nz/2016/3/krymskaya-vojna-kak-hronokulturnyj-vyzov.html>>, (in Russian).
- Zelenev, EI & Zeleneva, IV 2005, 'The Eastern question in the foreign policy of Nicholas I: the geopolitical aspect', *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*, no. 2, pp. 63-77, (in Russian).